ТАРИХ ВА ТАРИХШУНОСЛИК

Г. Тикаев

К вопросу об изучении самой востребованной дагестанской исторической хроники «Дербенд-наме» на разных языках мира

О значимости и популярности этого известного исторического сочинения говорит его широкое распространение на различных языках. Сегодня на 15 языках мира созданы или переведены хроники «Дербенд-наме». Помимо редких и ценных экземпляров, которые украшали и украшают частные коллекции, списки «Дербенд-наме» сегодня можно найти в библиотеках Парижа, Берлина, Геттингена, Кракова, Стамбула, Тегерана, Тебриза, Москвы, Санкт-Петербурга, Ашхабада, Баку [7: 5] и др. Помимо хроник, выявленных на арабском, персидском, тюркском[1], азербайджанском языках, есть летописи на латинском и русском, которые появились в начале XVIII в., чуть позднее – на английском, французском и немецком – в конце XVIII – середине XIX века, а также на местных дагестанских языках, появление которых относят к концу XIX – началу XX в. На сегодняшний день на дагестанских языках имеется 9 экземпляров арабографических хроник «Дербенд-наме»: 5 списков из них написаны на кумыкском языке 1 список – на аварском языке, 1 – на лакском и 2 хроники – на даргинском. Причём из двух хроник на даргинском языке одна написана на сирхинском диалекте, другая – на кубачинском. Если из всех 15 вариантов исторических хроник «Дербенд-наме» 14 получили глубокое научное освещение и изданы в

[1] В данном случае под языком тюрки подразумевается язык практически всех тюркских народов, проживавших на территории Северного Кавказа (кумыков, кыпчаков, карачаевцев, балкаров, азербайджанцев, булгар и т. д.).

юбилейном издании «Мухаммад Аваби Акташи. «Дербенд-наме»: тексты на языках народов мира и комментарии» [7], то кубачинская ее версия оставалась не введенной в научный оборот.

Сегодня в Дагестане, как известно, более 30 местных языков и кубачинский язык за период Советской власти перешел в разряд 18 бесписьменных языков в связи с тем, что он по некоторым критериям (численности жителей, наличию памятников письменной литературы и т.д.) не вошел в список 14 государственных языков Дагестана. Однако, в последние годы на этом «исчезающем» языке, стали обнаруживаться ценные и важные сочинения, написанные арабской графикой. Таких сочинений не было и нет до сих пор на некоторых признанных государственных языках. Для того, чтобы пролить свет на это удивительное явление, перед автором данного исследования встала задача выявить особенности кубачинской версии этой хроники, степень ее изученности вообще и занимаемое ею место среди некоторых переводов. С этой целью впервые был проведен сравнительный текстологический анализ с известными ее переводами на некоторые мировые языки – английский, арабский, кумыкский, даргинский (сирхинский диалект), персидский и азербайджанский, а также определено место кубачинского варианта среди этих переводов.

Почти во всех текстах летописи «Дербенд-наме» сюжеты одинаковы. Схожи также описания начала мусульманского пребывания в истории Дагестана после ухода Сасанидов. Что же касается похода Салмана и Рабиа, то имеются некоторые расхождения в датах его начала, численности войск, а также количестве убитых с обеих сторон. Например, в арабской и даргинской (сирхинской) версиях, а также в Румянцевском списке [4], начало похода датируется 40-м годом хиджры (660–661 гг.), а в английской [7: 469], персидской и азербайджанской версиях началом указан 41-й год хиджры, т. е. годом позднее. В кубачинской же версии [13: 61] отмечается, что эта дата исчисляется со дня смерти пророка. Вероятно, это ошибка переводчика кубачинской летописи, где арабский вариант وكان تاريخ النبي عام في اربعين سنة – «шел 40 год после даты пророка» [7: 179] был понят как «через 40 лет после смерти пророка»: *«…Мух1яммад ибāдаг вибч1иб агъвц1ал дус духубжила, сик1ал асх1ябтаццил кьаст1бāкьай ук1ай капīтаццила Чӯлид дīгъ дāкьи...»*. Перевод: «…В сороковом

году после смерти пророка Мухаммеда все его сподвижники решили пойти на Дербент и вступить в бой с безбожниками…» [13: 61].

Численность воинов-мусульман практически во всех привлеченных к нашему исследованию списках «Дербенд-наме» указывается одна и та же – 4 тысячи воинов. Лишь в персидской [7: 137] и даргинской (сирхинской) версиях отмечается, что их численность была 40 тысяч человек: *«…Цаби к1елра ддурабухъун авгъцали азир адмилиццилла балли г1яработалла багьадуртаццилкали. Цаби к1елра сакинра бихуб Дарбандлицци…».* Перевод: «…Они вдвоем (Салман и Рабиа – *Г.Т.*) выступили вместе с 40 тысячами арабских воинов и пошли на Дербент...» [7: 248]. Причем, автор перевода на даргинский (сирхинский) язык поясняет в своих комментариях, что в некоторых версиях дается другая цифра – 4 тысячи воинов. Нет расхождений во всех сверенных нами списках «Дербенд-наме» в количестве хазарских войск Хакана, противостоявших мусульманам, – 300 тысяч воинов, а также в месте, куда отошел Хакан, испугавшись мусульман, – река и населенный пункт Дарбак.

Нет особых расхождений в списках также в описании начала выступления войск мусульман и хазар друг против друга. В кубачинской версии хроники «Дербенд-наме», как и во всех других ее версиях, отмечается, что воины Хакан-шаха увидели воочию, каким непобедимым оказалось войско мусульман и как разят саблями воины исламского войска и, «…испугавшись, решили спешно отступить к Дарбаку …» [13: 63]. Хакан-шах чуть было не решил уйти с поля боя, если бы не поступок одного воина-хазара, который «…бросил копьё, отсек мусульманину голову, понес её к Хакан-шаху и положил перед ним…» [13: 63].

Вдохновленное этим поступком войско Хакана решило вступить в бой с мусульманами, однако, как на это одинаково указывают хроники «Дербенд-наме» на всех языках, в тот же день хазары потеряли около 20 тысяч своих воинов. Следует отметить, что персидский текст изобилует эпитетами, в которых мужественные воины-мусульмане уподобляются героям персидских легенд «Шах-наме» Фирдоуси (Рустаму «сильному» и «могучему», Сухрабу – сыну Рустама и др.). Правитель хазар Хакан-шах в персидской и английской версиях предстает в этом бою безжалостным военачальником, бросающим жестокий клич своему войску: *«…every coward who this day shall turn his face from the enemy and take to flight, his*

seed of existence 1 will annihilate from the face of the earth! All of you, in close ranks, must attack the Musulman troops and conquer them» [7: 470]. Перевод: «…Каждый, кто будет трусом в этот день, покажет врагу спину и обратится в бегство, – от него ничего не останется, я с корнем выкорчую весь его род! Вы все в тесном строю должны атаковать мусульманские войска и победить их...». Согласно персидскому списку, сорок видных газиев смогли убить почти 50 тысяч хазар-неверных и вместе с Салманом и Рабиа умерли мучениками за веру. Сейчас они похоронены на окраине Дербента в культовом сооружении «Кирхляр» («сороковник»). Кубачинская [13: 65], арабская [7: 181], кумыкская [6: 201] и азербайджанская [7: 306] (Петербургский список «Дербенд-наме» 1225 (1810) года) версии указывают, что эти 40 газиев смогли убить 90 тысяч хазарских воинов: *«…Хāхъāн-шāгья ц1акьле пашман ухуб удабая савъя са кьакьазиб муссан вимдӯмутил бусурманте гьегъебухъун г1ӯч1умц1ал азī капī кг1яхг1яй ук1ай»* [13: 64]. Перевод: «…Хакан-шах, сильно раздосадованный, убежал со своим войском в узкое ущелье, где, настигнув их, мусульманам удалось убить в общей сложности 90 тысяч хазарских воинов». В английской версии цифра более скромная – 20 тысяч хазар [7: 470], погибших в борьбе с мусульманами.

События, связанные с приходом к власти ал-Валида-I ибн Абдалмалика ибн Марвана в Омеядском халифате, в кубачинском варианте датируются 64-м годом после смерти пророка Мухаммеда (т. е. 696 г.) [13: 67], а не 64-м годом хиджры (т. е. 683 г.), как значится во многих других версиях. Эта же дата указана, например, в переводе с азербайджанского языка из Петербургского списка «Дербенд-наме» 1225 (1810) года [9: 307], в арабском [7: 182], азербайджанском [11: 89] (изданном в Тифлисе в 1898 г.), в персидском [7: 141] и даргинском (сирхинском) вариантах. В кумыкской версии отмечается 70-й год хиджры, который соответствует 689–690 гг. Однако следует отметить, что все эти даты неверные, так как Омеядский халиф ал-Валид-I ибн Абдалмалик ибн Марван на самом деле правил в 86–96 г. х. (705–715 гг.)[1], так что дата, приведенная в кубачинской версии, более близка к реальной, чем в остальных версиях летописи.

[1] Подробнее см.: Комментарии к переводу Петербургского списка «Дербенд-наме» 1225 (1810) года [9: 358].

Далее, в кубачинской версии совпадают практически все населенные пункты, захваченные во время похода Абу Муслима с его сорокатысячным войском на Дербент. Во всех привлеченных для сравнительного анализа списках «Дербенд-наме» приводятся следующие наименования – Джавлан (Жулан), Лахджан, Ширван и Маскур [13: 69], кроме персидского и английского вариантов, в которых указаны всего два завоеванных им города – Ширван и Мускур[1]. Причем в описании взятия Муслимом и его войском крепости Дербента в разных списках приводятся разные сроки ее осады, завершившейся захватом лишь с помощью предателя. В арабской версии говорится, что осада длилась несколько дней [7: 183], в кумыкской – много дней [6: 202], в кубачинской – около месяца [13: 69], в английской [7: 471] и персидской [7: 141] – три месяца, а в азербайджанской версии срок осады не указан вовсе.

Интересно заметить, что в кубачинской хронике «Дербенд-наме» подробно описан эпизод взятия штурмом крепости Дербента. Так же как в кумыкском [6: 203], азербайджанском [6: 309], даргинском (сирхинском) [7: 251] и арабском [7: 183] вариантах, в кубачинской хронике говорится о точной доле трофея, которую затребовал предводитель войска Муслима – Абдалазиз ибн Хатема Бахили, сказав: «…Если после взятия Дарбанда дадите нам все трофейное имущество, что останется после вычета пятой доли, положенной по шариату роду Пророка[2], то мы согласны» [13: 69]. В оригинале на кубачинском языке этот эпизод звучит так: *«Чӯлант гьабалчун бичибзиб либил мас ибӑдагла агьлулӣ хьу бут1лицци1 са бут1 ттӑагъибла гьитте, ниссӣ гьаччилал ухутте, нусса дукьг1илла».* В английской же версии Абдалазиз обращается к Муслиму без уточнения требуемой своей доли: *“If thou wilt permit me to have a share in the spoil that shall be taken from the Khazars, I will aid thee in taking the fortress...”* [7: 471] – «…Если ты позволишь мне принять участие в получении доли добычи, которая будет отнята у хазар, я помогу тебе

[1] Населённый пункт Маскур в разных переводах дается по-разному. В кумыкском варианте, например, прописан как Мускур [6: 202]. Такой же вариант даётся в персидском варианте перевода Дербент-наме с тюркского языка [1: 87]. В переводе с азербайджанского языка на русский даётся вариант – Машкур [12: 64].

[2] Согласно шариату и установлениям Корана все командующие мусульманскими войсками отправляли халифу пятую часть военной добычи.

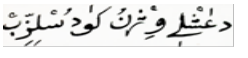
взять крепость». В персидской же версии, также не уточняя своей доли, Абдалазиз обращается к Муслиму, но ставит условие: «…если вы одарите меня большой долей хазарских военных трофеев…» [7: 142]. Однако в ней, хотя доля, полученная Абдалазизом, за эту рискованную операцию, не называется, зато далее указывается, что «…1/5 часть раздали газиям, остальную добычу отдали шпиону, обеспечив его полностью» [7: 142]. Что касается численности привлеченного для данного наступления войска, в разных вариантах летописи приводятся разные цифры. В кубачинской версии называется войско в 60 тысяч человек, привлеченных Абдалазизом ибн Хатемом Бахили, которые через подземные ворота в сопровождении предателя вошли в крепость и перебили врагов. В арабской, английской, персидской, кумыкской, даргинской (сирхинской) и азербайджанской версиях указывается цифра в десять раз меньше – 6 тысяч храбрецов.

В кубачинской версии, в отличие от других хроник, Муслим не поручает разрушить дербентскую стену, а предлагает своему войску разрушить город Дербент, с чем Абдалазиз не согласен: *«…Г1ябдул-Г1язӣзлидил кьабул бӑкьӑкьай ук1ай синдил гьабалчундихьле»* [13: 70]. Перевод: «…Абдалазиз не хотел поддерживать такое решение, так как он сам брал город штурмом». На первый взгляд, в контексте кажется, что все-таки речь идет о разрушении крепостной стены, ибо сам Абдалазиз вызвался захватить город, рискуя многим. Однако далее автор кубачинской хроники подчеркивает: *«…Муслимлидил Г1ябду-л-Г1язӣзла куб кьабулбӑкьаквал, гьис ххвалажуд хъулбе г1ют1агъиб Ширванницциб х1ӣякимъя катул синӣ гьабагъӣ гьасиб удабая ваббатул (виббатул. – Г.Т.) Муслим чарухуб синна муссан видажӣ ук1ай»* [13: 70]. Перевод: «…не прислушавшись к Абдалазизу, Муслим разрушил самые большие дома (Дербента. – *Г. Т.*), назначил правителем Ширвана, оставил ему достаточное количество войска, а сам вернулся в свои владения».

В кубачинской версии говорится, что хазарский правитель крепости Анджи, убежав, спрятался в Йяване [7: 77] после ее захвата мусульманами. В разных списках «Дербенд-наме» по-разному указывается название этого населенного пункта. В хронике на кумыкском языке, как и в кубачинском списке, он называется Ияван

(Йвāн) [6: 206]. В переводе Алийара б. Казима с тюркского языка на персидский дается вариант Кейван [1: 89]. Точно так же звучит название населенного пункта в некоторых других версиях, например, в «Тарих-и Дербендь-наме», изданном в Тифлисе в 1898 г. [11: 95]. Вместе с тем на сайте «Кумыкский мир» отмечается, что по арабоязычным спискам «Дербенд-наме» допускаются и другие варианты прочтения названия этого населенного пункта: Ийван, Надин, Нарин, Киван[1]. В английской версии – Кайван [7: 474], а в переводе с азербайджанского языка (Петербургский список) – Куйван [6: 315]. В комментарии к этому изданию проф. А. Р. Шихсаидов уточнял, что допустимы все вышеперечисленные варианты чтения – Куйван, Гуйван, Ийван, Надин, Нарин, Киван [6: 363].

Все эти события, как ошибочно указывает переписчик кубачинской рукописи, происходили в 114-м году со дня смерти пророка Мухаммеда [13: 77], хотя, как правильно указано в азербайджанской [6: 315], персидской [5: 22], арабской [7: 187], даргинской (сирхинской) [7: 254] и кумыкской [6: 206] версиях, это был год хиджры. В английской же версии дата этих событий не указана, а дана лишь дата – 115-й год

хиджры, когда начались уже другие события, связанные с приходом Абу Муслима, сына Абдалмалика, в Дербент с 20 тысячами войска, имевшего целью дальнейшее распространение ислама в Дагестане [7: 475]. О численности войска Абу Муслима –20 тысяч человек – говорится также и в персидской версии [5: 22]. В арабской [7: 187], кумыкской [6: 206], даргинской (сирхинской) вариантах и в переводе с азербайджанского языка из Петербургского списка (1225–1810) [6: 316] численность его войска указана в 24 тысячи человек. О таком же числе воинов Абу Муслима – 24 тысячи воинов говорится и в кубачинской версии: *«…Ибāдаг вибч1ибжила дг1яшлī вищ1ну к1вā (хъ1вā ибил. – Г.Т.) дуслищциб Г1ябду-л-Малīклагал Абӯ-Муслим ттāвиче ук1ай гъану агъва азīла удабая бишле Чӯла, Дагъустанъя гьабалчин ук1ай»* [13: 77]. Перевод: «…В 115 году после смерти пророка Мухаммеда сын Абдалмалика – Абу Муслим с 24-тысячным войском направился в Дербент, захватил его и установил свою власть

[1] Подробнее см.: [10].

в Дагестане». Однако, как мы можем видеть, и при указания даты – 114 год, и здесь, при указении даты 115 год начала этих событий, в кубачинской летописи подчеркивается, что эти годы – со дня смерти пророка Мухаммеда [13: 77], а не хиджры, как на это указывают все остальные версии. Кажется вероятным, что эта неточность связана с ошибкой переводчика или переписчика кубачинской летописи, неправильно понявшего дату из арабского оригинала. Помимо этого, переписчиком хроники допущена ошибка в записи арабской графикой на кубачинском языке этой же хронологической даты – 115 год. В написании этой даты – *«дгIяшлӣ вищ1ну к1вӑ (хь1вӑ ибил. – Г.Т.) дуслищциб», что мы здесь переводим как «в сто пятнадцатом году»*, ввиду сложности передачи кубачинских звуков «к1» и «хь» арабской буквой «каф» с дополнительными значками и точками, мы можем прочитать и понять их по-разному. Если мы над буквой «каф» ставим прямую горизонтальную линию, похожую на персидское обозначение звука «г», то мы его понимаем, как кубачинский звук «к1». Этого знака в слове нет. А если же ставим три точки под арабской буквой «каф», то получаем кубачинский звук «хь», чего также не было сделано переписчиком во фразе – *«дгIяшлӣ вищ1ну хь1вӑ дуслищциб»*, и мы здесь по контексту ее переводим – «в сто пятнадцатом году".

В следующем упоминании об Абу Муслиме, – сыне Абдалмалика, на этой же странице кубачинской версии «Дербент-наме» написано, что он – сын Абдаррахмана. На первый взгляд, может показаться, что это ошибка автора, но возможно, что эпитеты Аллаха – «ар-Рахман» («Милостивый») и «ал-Малик» («Властелин»), входящие в первую тройку самых ценных и дорогих имен для каждого мусульманина, заменены намеренно – с целью подчеркнуть его статус «раба Милосердного», или же «раба Властелина (всего сущего)».

В кубачинской летописи, как и во всех остальных проанализированных автором статьи хрониках, содержатся одинаковые сведения относительно реставрации Абу Муслимом башни Дербента и строительства больших амбаров для хранения оружия [13: 79]. Реставрированная стена тянулась на 210 дик1вов[1], как говорится в кубачинской хронике (т. е. локтей), в глубь моря. В арабской [7: 188] и

[1] Дик1в на кубачинском языке – это мера длины примерно в локоть (около 50 см).

даргинской [7: 255] (сирхинской) версиях также упоминается, что стена в глубь моря ушла на 210 локтей. В кумыкской хронике говорится, что в глубь моря стена ушла на 210 къари, что также соотносится с 210 локтями: *«Аны сенгери эки юз он къари къадарда денгизни ичинде эди»* [6: 207]. Перевод: «А сама крепостная стена была в глубине моря на 210 локтей». В персидской же версии отмечается, что она равна 100 зар´ам[1]. Это примерно такое же расстояние, что и в кубачинской летописи, а в азербайджанской хронике из Петербургского списка приводится глубина 105 локтей [6: 316], что меньше примерно в два раза. В английском варианте об этом ничего не говорится.

Как известно, Абу Муслим в Дербенте в тот период построил семь кварталов – с мечетью в каждом из них. Здесь интересно отметить, что в арабской и сирхинской версиях (хотя в текстах заранее оговаривается, что Абу Муслимом было построено семь кварталов и столько же мечетей к ним) перечисляются по порядку всего лишь шесть кварталов и шесть мечетей. Пропущены квартал и мечеть «Джазаир». В кубачинской версии также отсутствует упоминание о квартале и мечети «Джазаир», но при этом ошибочно отмечается, что «Чӯли (Дербент. – *Г. Т.*) был разделен на пять кварталов…» [13: 79]. В названиях кварталов также имеются разночтения. Например, в кубачинской версии (а также в даргинской (сирхинской) [8: 255], арабской [7: 188] и в кумыкской [6: 207]) говорится, что один из кварталов и сама мечеть, построенная там, назывались одинаково – «Артун». В азербайджанской версии из Петербургского списка (1225–1810) он упоминается как «Урдун» [6: 316]. В английской [7: 475] и персидской [7: 145] версиях этот же квартал называется почему-то «Хазари». Названия других кварталов с поправкой на произношение во всех списках приводятся почти в полном соответствии с кубачинским вариантом – например, «Фалистин», «Кайсар», «Димашк» (кроме сирхинской хроники, где идет вариант «Думиск»), «Хамс»[2] (в сирхинском варианте «Хамсин» [7: 255], в персидском «Хумс», в английском «Хамас»), «Мосул» (в английской версии – «Мусул»).

Затем, как сообщает летопись, была построена большая пятничная мечеть и были установлены шесть ворот. В кубачинской

[1] Зар´–равен примерно 104 см.
[2] Хамс–ныне город Хомс в Сирии.

версии, [13: 81], точно так же, как и в арабской [7: 189], перечисляются те же наименования этих ворот – «Мухаджир», «Джихад», «Сагир», «Мактум», «Калъат» и «Гучак». Что касается остальных вариантов хроники, то, как отмечают, в том числе, и некоторые исследователи, «…количество и наименования ворот города Дербента имеют различия в разных источниках, как раннесредневековых арабских и персидских, так и в списках «Дербенд-наме» [6: 366].

В кубачинской [13: 83], кумыкской [6: 207], даргинской (сирхинской) [7: 256] и арабской [7: 189] версиях отмечается, что Абу Муслим затем отправился в Кумух (или к кумыкам. – *Г. Т.*). В персидском варианте указано конкретно, что «…он направил победоносное знамя в сторону Кумуха» [7: 145], а не кумыков. В одноименной хронике, переведенной с азербайджанского языка и изданной в Тифлисе в 1898 г., определенно говорится, что это населенный пункт «Казикумух» [11: 70]. В азербайджанской летописи «Дербенд-наме» из Петербургского списка приводится вариант «Кумук» [6: 317], так что сложно определить, к чему это наименование относится. Также неопределенно можно трактовать вариант “Gkumugk” [7: 475] в английской летописи.

Над этим населенным пунктом, который осмелился выступить против Абу Муслима, после его разгрома был назначен правителем Шахбал бен Абдаллах, о чем упомянуто в кубачинской [13: 83], даргинской (сирхинской) [7: 256], персидской [7: 145], арабской [7: 189], кумыкской [6: 208], английской [6: 475] и азербайджанской [11: 70] версиях. В азербайджанской же летописи «Дербенд-наме» из Петербургского списка не называется имя назначенного правителя – Шахбала, а отмечается, что это – внук Абдаллаха, но далее, в комментариях к тексту, поясняется, что «…очевидно речь идет о сыне Абдаллаха – Шахбале» [9: 367]. Причем в кубачинской версии уточняется, что Шахбал был назначен старшим властителем всего Дагестана. Примечательно, что родословная Шахбала, сына Абдаллаха, о котором в арабском варианте сказано: Абдаллах бен Касум, Касум бен Аббас, Аббас бен Абд ал-Муталлиб ал-Курейши, в кубачинской летописи дается подробно, и создается впечатление, что ее автор с арабского языка переводил буквально: *«…Къумухълицце*

х1ākимъя катӣ ук1ай либил Дагъустāнниццея Г1ябдуллāгьла гал Шагьбāли бук1узив. Г1ябдуллāгьйа Къāсумла гал, Къāсумъя Г1яббāсла гал, Г1яббāсъя Г1ябду-л-Муталлибла гал Хъурейши тухумла бухубжуб» [13: 82]. Перевод: «Править Кумухом, как, впрочем, и всем Дагестаном, он поручил сыну Абдаллы по имени Шахбали[1]. Абдалла был сыном Касума, Касум – сыном Аббаса, Аббас – сыном Абд ал-Муталлиба из рода курейшитов». В кумыкской [6: 208] версии родословная Шахбала указана точно так же, как в арабской и в кубачинской версиях, а в даргинской (сирхинской) летописи отмечается, что Шахбал является сыном Абдаллаха, сына Касима, сына Аббаса, сына Абдалмалика [7: 256], а не Абд ал-Муталлиба, как говорится в арабской, кубачинской и кумыкской версиях. В английской [7: 475] и азербайджанской [11: 70], (изданной в Тифлисе) версиях, упоминается лишь, что «Шахбал – сын Абдаллы, сына Аббаса», в персидской – «Шахбал – сын Абдаллы» [5: 23] без описания его родословной.

По завершении текста перечисляются населенные пункты, которые остались подвластными правлению ставленников Абу Муслима перед его возвращением на родину. В арабской [7: 190], даргинской (сирхинской) [7: 257] и кумыкской [7: 208–209] версиях дается наиболее полный список населенных пунктов, которые Абу Муслим обязал платить харадж (налог. – *Г. Т.*) его ставленнику Шахбалу. Это – Гимри, Курах, Ккуба, Калган, Кура, Ахты, Ханалик, Рутул, Цахур, Кумук, Авар, Курах, Гида, Таргу, Ихран, Эндирей, вплоть до Гурджистана. В кубачинской версии перечисляется несколько меньше населенных пунктов – Кура, Куба, Ккурах, Ахты, Кумух, Авар, Эндирей, Кирах, Таргу, Тихран [13: 85].

Поскольку события, описываемые всеми дагестанскими версиями «Дербенд-наме», охватывают период лишь с V в. до первой половины VIII в., не представляется возможным дальше отследить социально-экономическую ситуацию и жизнь жителей и земель, подконтрольных этим ставленникам. Поручив правителю Дербента справедливо распределять все хараджи воинам, защищающим веру, а также бедному люду, Абу Муслим строго-настрого пригрозил, что в случае несправедливого его отношения к ним он будет смещен

[1] Имя правителя Дагестана данного периода Шахбали иногда по ошибке дается переводчиком (или переписчиком) и в другом варианте – Шахвали.

воинами – газиями. Шахбалу Абу Муслим поручил быть вместе со всеми правителями Кайтага, Табасарана и Дербента, а также сплачиваться в случае нападения неверных и затем отбыл в свои владения. Так же заканчиваются кумыкский вариант [6: 209–210] летописи «Дербенд-наме», переписанный в 1895 г., даргинский (сирхинский вариант) [7: 257], переписанный в 1898 г. и кубачинский, переписанный чуть позднее – в 1908 г.: *«…Ихтте чигусабāкьибзиб мусса Чӯлибжуб гъазлихъантаддīя, мискин пакьиртаддīя билуччин ук1ул хъай бāкьай ук1ай. Иттī гьабагъī гьасиб аквате бāтмāтат ук1улйа гьаай. Чӯлантла г1ядлу ццигъа кадāдīццīхъаххан Чӯлибжуб гъазлихъантаддил пг1яхле видахъахъаб – ук1ул гьаай. «Шагьвалелī капīте чисг1якьяххг1янъя, капītаже Шагьвали чиг1юкьг1яххг1янъя, Хайдакьлидилъя, Табасаранна агьлулдилъя икьала (гьикьала. – Г.Т.) бāкьаб» – ук1улъя гьаай. Чӯлантла х1якимлидил Шагьвалелī бажīмутил удабая батбидагъаб ук1улъя гьаай. Чӯлант бумккул угаб ук1улъя гьаай. Мишшитаб джамг1ятлиццила джумяг1ла дибгъалая дīкьаб ук1улъя гьаай. Хихтте васиятея хъайдāкьиб Абӯ Муслим синна муссан видажи ук1ай* [13: 86]. Перевод: «…После этого Абу Муслим обратился к правителю Дербента: – Это собранное (налоговое. – *Г.Т.*) имущество следует справедливо распределять между газиями и нищими. Не оставляй себе больше, чем положено! Если в Дербенте не будут установлены справедливость и порядок, то пусть его уничтожат газии Дербента! Если неверные будут наступать на Шахвали или же если Шахвали сам решит наступать на неверных, то пусть жители Кайтага и Табасарана встанут на подмогу. Он также распорядился, чтобы правитель Дербента в случае необходимости высылал доблестное войско на подмогу Шахвали, а также призвал его хранить город Дербент. Затем призвал их вместе с народом молиться в соборной Пятничной мечети. С такими завещаниями (наставлениями. – *Г.Т.*) Абу Муслим отбыл в свои владения».

В других версиях «Дербенд-наме», привлеченных нами для сравнительного исследования, события охватывают более поздний период – вплоть до начала XI в. или до середины XII в. Это английская и персидская версии и две переведенные с азербайджанского языка летописи «Дербенд-наме»: одна из Петербургского списка, другая – изданная в Тифлисе в 1898 г. [11; 12].

В заключение следует отметить, что сравнительный тексто логический анализ исторической хроники «Дербенд-наме» на кубачинском языке с известными ее переводами на английский, арабский, кумыкский, даргинский (сирхинский диалект), персидский и азербайджанский языки свидетельствует о важном и значимом месте кубачинского варианта, которое он занимает среди всех этих переводов. Анализ показывает, что в кубачинской версии приводятся более точные сведения. Например, даны более близкие к подлинным даты правления Омеядского халифа ал-Валида-I ибн Абдалмалика ибн Марвана. События, связанные с его приходом к власти в Омеядском халифате, в кубачинском варианте связываются с 64-м годом после смерти пророка Мухаммеда (т. е. – 696 г.) [13: 67], а не 64-м годом хиджры (т. е. – 683 г.), как значится во многих других версиях. Эта же дата указана, например, в переводе с азербайджанского языка из Петербургского списка «Дербенд-наме» 1225 (1810) г. [6: 307], в арабском [7: 182], азербайджанском [11: 89] (изданном в Тифлисе в 1898 г.), в персидском [7: 141] и даргинском (сирхинском) вариантах. В кумыкской версии указан 70-й год хиджры, который соответствует 689–690 гг. Следует отметить, что Омеядский халиф ал-Валид I ибн Абдалмалик ибн Марван в действительности правил в 86–96 гг. х., т. е. в 705–715 гг.[1], так что дата, приведенная в кубачинской версии, наиболее близка к реальной из всех, что указаны в остальных вариантах хроники. В кубачинской версии говорится о точной доле трофея, которую затребовал предводитель войска Муслима – Абдалазиз ибн Хатема Бахили, в частности о том, чтобы ему оставили всю оставшуюся часть трофейного имущества за вычетом определенной доли согласно шариату, по установлениям которого все командующие арабскими войсками отправляли халифу пятую часть военной добычи.

Кубачинский, кумыкский, даргинский (сирхинский) варианты очень схожи были в описании пребывания Сасанидов в Дагестане. Имеется много общего и в описании раннего мусульманского пребывания в Дагестане, что также подтверждает справедливость высказывания известных дагестанских востоковедов А.А. Исаева и

[1] Подробнее см.: [6; 2].

Г. М.-Р. Оразаева, которые в общем предисловии к изданию «Дербенд-наме на языках народов Дагестана: тексты и комментарии» отмечали, что «все списки “Дербенд-наме”, существующие на языках народов Дагестана, являются переводами с рукописей, созданных на арабском языке, а не с персидского или с тюркских языков» [6: 22].

В кубачинской версии особое внимание обращается на интересную деталь из хроники событий пребывания мусульман в Дагестане, на которую многие версии «Дербенд-наме» не обратили внимания (эпизод военного столкновения Убейда ибн Джарраха и хазарского Бушнаки-хана и роль в нем сына одного из лезгинских предводителей Артаныша, известившего Убейда о притеснениях мусульман, чинимых хазарами). Только в кубачинской [13: 73], арабской [8: 185] и кумыкской [6: 204] версиях, отмечается, что Артаныш был человеком Убейда, которого он сам «подослал к Бушнаки-хану в качестве лазутчика…».

События средневекового периода истории Дербента и Дагестана, отраженные в кубачинской летописи «Дербенд-наме», позволяют сегодня кубачиноговорящим жителям ознакомиться на родном языке с интересными моментами из жизни дагестанских народов. Кубачинская летопись, обнаруженная среди хроник «Дербенд-наме» всего на пяти языках народностей Дагестана, свидетельствует о высоком уровне образованности, существовавшем во времена ее написания в государственном образовании Зирихгеран (Кубачи). Практически во всех исторических сочинениях и письменных памятниках Дагестана, таких как, например, «Та’рих Дагистан», «Асар-и Дагистан», «Та’рих Аби Муслим», «Ахты-наме», «Та’рих Мискинджа» и другие, в числе известных раннефеодальных государственных образований – Лакз, Табасаран, Кайтаг, Гумик, Серир, Филан и Шандан – всегда фигурировал Зирихгеран (Кубачи).

«Дербенд-наме» на кубачинском языке сегодня по праву можно назвать бесценным памятником письменной культуры кубачиноговорящего населения Дагестана. Перевод и анализ кубачинского варианта не только закрывают белое пятно в изучении всех переводов хроники «Дербенд-наме», имеющихся всего на пяти дагестанских языках, но и позволяют выявить ценнейший лингвистический материал, дающий возможность

языковедам проводить новые исследования как в области сравнительного анализа старого и современного кубачинского языка, так и в области изучения текстов, составленных на дагестанском аджаме (письменности народов Дагестана на основе арабского алфавита). Несомненным достоинством этой летописи является не только ценность содержащихся в ней исторических сведений, но и лингвистическое богатство, так как до сих пор исследователям была неизвестна литература подобного рода на языке кубачинцев. На настоящий момент имеется лишь коллекция писем на арабском языке кубачинского происхождения (ок. 100 шт.), освещающих историю общественно-политической жизни аула Кубачи начала XVIII – начала XX в., хранящаяся в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург). Эта коллекция по мнению Рукият Шарафутдиновой, сотрудницы Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, и по сей день «является в своем роде уникальной» [3: 209]. Кроме всего прочего, историческая хроника «Дербенд-наме» на кубачинском языке позволяет нам вернуть около 60 старинных кубачинских слов, забытых сегодня и вышедших из употребления. Этот литературный и исторический памятник позволяет вписать новую страницу в возрождение письменного кубачинского языка, что чрезвычайно ценно для кубачиноговорящего населения Дагестана.

Использованная литература

1. Алибекова П.М. Дарбанд-наме в переводе Алийара Б. Казима с тюркского языка на персидский язык / Вестник Института ИАЭ. 2015. С. 82–95.
2. Аль-Валид_I_ибн_Абдул-Малик. Сайт Сайт Wikipedia. https://inlnk.ru/ELvwAk/ (Дата обращения – 21.11.2025 г.).
3. Восток: прошлое и будущее народов (новые подходы в теории и методиках востоковедных исследований) // Политология, история, литературоведение / Тезисы докладов и сообщений (Махачкала, 1–5 октября 1991 г.) Т. II. – Москва, 1991. – С. 301.
4. Дербенд-наме (Кумыкский мир). Культура, история, современность http://kumukia.ru/article-100. (Дата обращения – 30.12.2022 г.).

5. «Дербенд-наме» [Мухаммада Аваби Акташи] переводе Алийара б. Казима с языка тюрки на персидский язык (перевод на русский язык, комментарии и факсимиле текста) / [Пер. с перс. яз., предисл. П.М. Алибековой; ком. и библиогр. Г.М.-Р. Оразаева и П.М. Алибековой]. – Москва, 2017.
6. «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана: тексты и комментарии / Под общей ред. Г. М.-Р. Оразаева; сост. Д. М. Маламагомедов. Махачкала, 2012.
7. Мухаммад Аваби Акташи. «Дербенд-наме»: тексты на языках народов мира и комментарии / Сост. и автор предисловия Г. М.-Р. Оразаев. – Махачкала, 2018. («Дербенд-наме» в английской версии)
8. Петербургский список «Дербенд-наме» 1225 (1810) года: перевод с азербайджанского на русский язык (выполнил Оразаев Г.М.-Р.) // «Дербенд-наме» на языках народов Дагестана: тексты и комментарии / [под общей ред. Г.М.-Р. Оразаева; сост. Д.М. Маламагомедов]. – Махачкала: «МавраевЪ», 2012.
9. Саидов М.-С., Шихсаидов А.Р. Дербенд-наме / https://goo.su/Dpxz5M (Дата обращения – 21.11.2025 г.
10. Тарихи Дербендь-наме / Перевод с тюркского, арабского, персидского языков под редакцией М. Ахундова-Аварского. – Тифлис, 1898.
11. Тарихи Дербендь-наме / Перевод с тюркского, арабского, персидского языков под редакцией М. Ахундова-Аварского. – Баку, 2011
12. Тикаев Г. Г. Дербенд-наме. История Дербента и Дагестана на кубачинском языке. / Научное издание. Отв. ред. Г. М.-Р. Оразаев; предисл., переложение кубачинского арабографического текста на кириллицу, пер. на рус. яз. и коммент. Г.Г. Тикаева. – Махачкала, 2021.
13. Тикаев Г.Г. Отражение политики Сасанидов в Дагестане в арабографической хронике «Дербенд-наме» на кубачинском языке и ее место среди хроник «Дербенд-наме» на некоторых других языках // Ориенталистик. 2022. 5 (1) С. (107–24). https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-1-107-124

Г. Тикаев

Энг кўп мурожаат қилинадиган Доғистон тарихий хроникаси “Дарбанднома”ни турли тилларда ўрганиш ҳақида

Ушбу мақолада энг машҳур ва оммабоп кўп тилли Доғистон тарихий хроникаси “Дарбанднома”нинг пайдо бўлиши ва глобал миқёсда тарқалиши ўрганилади. Ушбу тадқиқотнинг асосий мақсади муаллифнинг она тили – кубачи тилидаги ушбу тарихий хроникани таҳлил қилишдир. Таҳлил шуни кўрсатадики, Кубачи версияси аниқроқ маълумот беради. Кубачи, кумик ва даргин (сирх) версиялари Доғистондаги сосонийларнинг мавжудлигини тасвирлашда, шунингдек, араб-мусулмонларнинг Доғистонга бостириб кириши воқеаларини тасвирлашда сезиларли ўхшашликларни очиб беради. Бу таниқли доғистонлик шарқшунослар А.А. Исаев ва Г.М.Р. Оразаевнинг “Доғистон халқлари тилларида Дарбанднома: матнлар ва шарҳлар” нашрининг умумий сўзбошисида “Доғистон халқлари тилларида мавжуд бўлган Дарбандноманинг барча нусхалари араб тилида яратилган қўлёзмалардан таржималар бўлиб, форс ёки туркий тиллардан эмас”, деб таъкидлаган баёнотининг асослилигини тасдиқлайди.

Калит сўзлар: *Дарбанднома, Салмон ва Рабия; Убайд ибн Жарраҳ; Бушнаки-хон; Артаниш; Зирихгеран; Кубачи.*

Г. Тикаев

К вопросу об изучении самой востребованной дагестанской исторической хроники «Дербенд-наме» на разных языках мира

В статье рассматриваются особенности появления и распространения по всему миру самой известной и востребованной многоязычной дагестанской исторической хроники «Дербенд-наме». В центре настоящего исследования находится анализ этой исторической хроники на родном для автора данной статьи языке – кубачинском. Анализ показывает, что в кубачинской версии приводятся более точные сведения. Кубачинский, кумыкский, даргинский (сирхинский) варианты обнаруживают большое сходство в описании пребывания

Сасанидов в Дагестане, а также и в описании событий арабо-мусульманского вторжения в Дагестан. Это подтверждает справедливость высказывания известных дагестанских востоковедов А. А. Исаева и Г. М.-Р. Оразаева, которые в общем предисловии к изданию «Дербенд-наме на языках народов Дагестана: тексты и комментарии» отмечали, что «все списки “Дербенд-наме”, существующие на языках народов Дагестана, являются переводами с рукописей, созданных на арабском языке, а не с персидского или с тюркских языков».

Ключевые слова: Дербенд-наме, *Салман и Рабиа; Убейд ибн Джаррах; Бушнаки-хан; Артаныш; Зирихгеран; Кубачи.*

G. Tikaev

On the Study of the Most Widely Read Dagestani Historical Chronicle, “Derbend-Nama”, in Different Languages

This article examines the emergence and global dissemination of the most famous and popular multilingual Dagestani historical chronicle, “Derbend-name.” The focus of this study is an analysis of this historical chronicle in the author's native language, Kubachi. The analysis shows that the Kubachi version provides more accurate information. The Kubachi, Kumyk, and Dargin (Sirkh) versions reveal significant similarities in their descriptions of the Sassanid presence in Dagestan, as well as in their descriptions of the events of the Arab-Muslim invasion of Dagestan. This confirms the validity of the statement by renowned Dagestani orientalists A.A. Isaev and G.M.R. Orazaev, who, in the general preface to the publication “Derbent-name in the Languages of the Peoples of Dagestan: Texts and Commentaries”, noted that “all copies of the Derbent-name existing in the languages of the peoples of Dagestan are translations from manuscripts created in Arabic, and not from Persian or Turkic languages”.

Keywords*: Derbend-Nama, Salman and Rabia; Ubayd ibn Jarrah; Bushnaki Khan; Artanysh; Zirikhgeran; Kubachi.*